

18+

Эни Силвер
УТРАТИВ
ВКУС

Эни Силвер
Утратив вкус

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Эни Силвер

Утратив вкус / Эни Силвер — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Я попыталась спрятаться от модельного агентства, когда узнала страшную тайну сущности их контракта. Монастырь должен был стать моим пристанищем, где меня никто не смог бы найти. Но нашел именно он, Настоятель монашеского ордена с темным прошлым, который узнал во мне сбежавшую модель. И чем дальше я его узнавала, тем больше сомневалась в его благих намерениях. Кто же он на самом деле?

Содержание

Глава 1. Сестра Мигель.	5
Глава 2. Франциск	11
Глава 4. И Падение	18
Глава 5. Ник	21
Глава 6. Обретая вкус	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эни Силвер

Утратив вкус

Глава 1. Сестра Мигель.

– Просыпайся Мигель! – заверещал приторный, но строгий голосок где-то на фоне.

– Что?.. У меня же стоит будильник, – сонно протянула, забыв, где я, и зарываясь в подушку.

– Сегодня очень важный день! Приезжает Настоятель, и нам нужно как следует подготовиться!

– Ну почему нужно всегда так рано вставать? Какая ему разница? – вскинула мутные от недосыпа глаза.

– Не пристало будущей монахине так выражаться, Господи помилуй! Манеры, юная дама! Ты и так уже проспала до 6 утра!

Она вдруг лёгким движением руки стянула пресное одеяло, оставив меня лишь в нижнем белье.

– Вот разве нельзя и монастырь как-то модернизировать, вставать к десяти, например...

– протянула я недовольно, когда высокие нотки и холод вытащили меня из кровати.

Нехотя поднялась, распутывая волосы.

И встретила взглядом с пожилой женщиной в черном одеянии, строго на меня подглядывающей.

– Я понимаю, что соблазны внешнего мира дают о себе знать, сестра, но мы в обители Господа, которому мы посвящаем себя и свой сон. Именно поэтому ты и находишься здесь. Через пять минут ожидаю тебя в общем зале.

И она вылетела, оставляя меня досыпать стоя.

Уже как месяц я здесь нахожусь. В закрытом женском монастыре, проходя обучение монахини. Уже месяц невероятно ранних подъемов и тяжёлой работы. Месте, где все женщины слишком самоотверженны. Нереальны.

И вот я одна из них. Почти. Меня ожидала тяжкая подготовка в виде монастырских хлопот, служений, заучивании молитв, и многих других прелестей.

Но у меня не было выбора. Не было пути назад. Это было единственное место, где я могла чувствовать себя в безопасности.

Через пару минут я уже стояла в подрыснике, обтягивающим талию кожаным ремнем, и полуапостольнике, прикрывающий лоб. За время своего пребывания я уже была посвящена в послушницы, у которой было свое одеяние. Но до монахини мне еще было далеко. После послушничества меня ожидало иночество, а уж потом, после обетов послушания, отказа от собственного имущества и обета целомудрия, меня наконец-то посвящали в монахини.

Но если честно, то не могу сказать, что я хотела ей стать. Или верила в Бога. Обе эти вещи были слишком мне чужды. Но все это было не важно. Единственное, что имело смысл, так это факт закрытой территории, не пускающая никого, кроме членов церковной общины.

Я просто стояла в холле, называемый здесь клуатром, ожидая старшую монахиню. За этот месяц мне не было позволено ни с кем общаться, да и разговоров здесь было мало, в сравнении с обычным миром.

Пока я была трудницей, на меня поглядывали изучающе, даже подозрительно. Здесь это нормальное дело, я все время чувствовала себя не в своей тарелке. А точнее, ощущала себя мышью в лаборатории, где ученые пытались понять, насколько мои помыслы правдивы.

И ведь я совсем не была послушной, терпеливой и спокойной. В обычной жизни я была ураганом, сердцем всех вечеринок, которые нередко заканчивались в незнакомых утром местах. Я была яркой, громкой и запоминающейся. Я любила путешествия, вкусную еду, впечатления. Эмоции.

Пока не случилось то, что случилось. Что заставило меня бежать, боясь за собственную жизнь. И выждать. И ведь я все еще надеялась, что мне не придется здесь оставаться всю свою жизнь.

Даже если они меня найдут.

– Готова? – проронила сестра Анна, которая так бесцеремонно меня разбудила утром.

Она глянула на меня с довольной ухмылкой.

– Сегодня правильно одела полуапостольник. Следуй за мной.

Я молча проследовала за ней, к чему уже успела привыкнуть. Сегодня меня вновь ожидал сбор винограда и подготовка к возделыванию вина. Как раз был самый сезон.

Остальная часть утра прошла стандартно. Общие молитвы. Завтрак. Личные молитвы. Труд. Свободное время.

Не знаю, о чем молились другие монахини. Скорее всего, как можно ближе стать к их Богу и очиститься? Здесь все этого хотели. Но не я. Я молилась, чтобы как можно быстрее отсюда убраться.

К своей нормальной жизни. К моим подругам, любимым хобби, сериалам, книгам, новым попыткам в модельном бизнесе.

От мысли о последнем меня резко передёрнуло. А может быть уже и от холода, все же октябрь был уже довольно близко.

В свое свободное время я много гуляла. Территория монастыря была огромной, огороженная высоким каменным забором.

Я много раз задавала себе один и тот же вопрос: “Как я смогла прийти к тому, что именно это место стало моим спасением?”

Хотя нет.

“Какого чёрта монастырь стал единственным местом, которое могло меня спасти?”

И чем больше я думала об этом, тем больше ощущала это божьим наказанием.

Я понятия не имела, как все эти женщины могут так легко чтить все обеты? Некоторые выглядели не такими-то и сложными, если к ним привыкнуть. Например, жить в бедности, самоотрешении, труде. Но как они живут без мужчин? Как они подавляют в себе это желание близости?

Калитка вдали скрипнула, когда я делала уже четвертый круг вдоль леса. Нам не было позволено покидать территорию ни под каким предлогом, чтобы не поддаваться соблазнам современного общества.

И приостановилась.

Мужчина.

Он быстро шел в сопровождении сестры Катарины, аббатисы этого женского монастыря. Единственной, которая могла представлять наши интересы и принимать любые решения.

Видимо это и был Настоятель. Я лишь краем уха слышала, что у него были церковные дела к нашей аббатисе.

Я проследовала за ними через главный вход в холл, где они скрылись в зале Капитула, который и предназначался для таких дел.

Очень любопытно. Что же мужчина делает в женском монастыре?

Вечер наступил быстро. Мне уже позволялось ужинать с другими монахинями, сидя в самом конце. Всего в монастыре жили около сорока монахинь. И я была единственной послушницей, которая так сильно выделялась своим одеянием.

Женщины сидели по старшинству, что делало меня самой младшей и располагающейся в самом углу.

Я чувствовала любопытство. Его глаза. Оторвавшись от своей пресной еды, которая почти никогда не содержала мяса, я взглянула на противоположную часть стола. Он имел форму буквы П, и поэтому Настоятель сидел с противоположной стороны.

А он намного моложе, чем я себе представляла. Казалось, что такие посты занимают одни старики. Ему было явно за тридцать, на слабой щетине проглядывала седина.

Под его пристальным взглядом у меня пробежали мурашки. Монахине не подобало поднимать глаз на мужчин, заставляя их прятать взгляд в землю и молчать. Однако я ничего не могла с собой поделать.

Он что-то тихо спросил у сестры Катарины, не отрывая от меня своих темных глаз. Вдруг стало жарко, захотелось стянуть с себя пояс, чтобы освободить диафрагму.

Быстро закончив с ужином, я пулей выбежала с трапезной, захлопывая дверь в свою комнату. Все лицо горело, появилась легкая одышка от мужского внимания.

Мне повезло, что в этом монастыре мы не спали на холодных досках и под мешковиной в общей спальне, хотя у этих монахинь были свои скромные комнаты. В каждой проживало по двое. Однако, так как я еще считалась послушницей, то не имела права проживать со старшими.

Было слишком непривычно видеть мужчину в этом месте, несмотря на то, что он и являлся частью церкви. И не просто ее частью, а Настоятелем всего католического монашеского ордена.

Вечерняя молитва прошла так же напряженно, как и ужин. Но лишь для меня. Со мной до сих пор мало говорили, поэтому я, за редким исключением, проводила большую часть дня молча.

И его глаза опять за мной следили.

Да чем же я ему не угодила то?

Ноги начинали мерзнуть, ожидая окончания вечерних молитв. Завтра ожидался такой же день, сбор винограда. Наши хлопоты менялись понедельно, что делало мою работу завтра уже третьим днем.

Уже совсем на выходе из церкви, которая также находилась на территории монастыря, я услышала низкий голос.

– Сестра Мигель.

Я замерла, медленно разворачиваясь к высокому мужчине позади.

– Я... пока еще не монахиня, – тихо уронила, взглядываясь в его лицо, явно краснея.

Густые темный брови, полные губы, большие карие глаза, крупный нос. Он явно был выше меня на голову, и широк в плечах. И было заметно, что он трудится так же, как и другие монахи.

– Послушница Мигель, – он мягко улыбнулся, – Я хотел вас поприветствовать, как вставшую на путь Его истинный.

Я хотела что-то ответить, но тут же вспомнив устав, слегка приклонила голову.

– Если я не отнимаю время от ваших обязанностей, у меня есть к вам несколько вопросов. Конечно, если вы не возражаете, – последнее предложение он произнес тише. Его величественная фигура заставила меня замереть в страхе и повиновении.

– Нет, не возражаю, – пискнула.

– Следуйте за мной, послушница.

И он повел меня за собой в зал Капитула, чем невозможно меня напугал. Все знали, что в обыденное время оно предназначалось для вынесения уставных наказаний.

Дверь за мной тихо закрылась, и я присела на ближайшую скамью, вся трепеща.

Настоятель пододвинул деревянный стул с другой части зала и занял место напротив. Это явно выходило из сценария. Что же он хочет? Дать благословение? Поговорить по душам?

– Софи, – он прошептал.

Мои глаза резко поднялись на него, тело напряглось, словно готовое к прыжку.

Пальцы непроизвольно впились в холодное дерево.

– Откуда? – хищно прошептала я, боясь за свою жизнь.

Он мягко улыбнулся, обнажая белые зубы.

– Я знаю тебя. Много кто тебя знает по обложкам журналов.

Хорошо, это было уже лучше.

– Что вы хотите? – забывая все приличия и устав, кинула я.

– Как я и сказал, у меня всего пара вопросов.

Я немного расслабилась. Чего мне стоило бояться, когда он не мог меня тронуть?

– Хорошо.

– Славно, – снова улыбнулся, – Скажи, Софи, как так получилось, что молодая модель в твоём лице, создавшая такой фурор в модельном мире, такая дерзкая, независимая и своенравная, попала сюда, в обитель Бога, посвящая свою жизнь служению Ему?

– Я... – не хватало воздуха, – Вы не поймете, Настоятель...

– Настоятель Франциск, – поправил, – Софи, тебе здесь нечего бояться. К тому же, я и так знаю, что ты здесь совсем не из-за веры. Поэтому я хочу знать правду. Всю, – его голос звучал твердо. Совсем не как у монаха.

– Я... Меня... Меня обманули. Тот контракт, который я заключила с агентством... В нём был один пункт, по которому я должна была участвовать в частных вечерах. Но это было совсем не то, о чём я тогда подумала... – я тяжело выдохнула, начинала пробирать дрожь, – Мне выплатили аванс по заключению, который я за несколько недель потратила. Затем многочисленные съемки, показы. И... Через полтора месяца меня пригласили на тот самый частный вечер.

Я замолчала, вспоминая странный день.

– Продолжай, что случилось дальше? – он сочувственно свел брови, наблюдая за мной. Но глаза выдавали неподдельный интерес.

– Я решила, что это вечер со спонсорами или какими-то другими важными лицами. Одевалась подобающе. Однако, там был лишь один из директоров агентства, который ожидал, что я буду его ублажать. И... я сбежала. Отпросилась в туалет и выбралась через окно. На следующий день мне позвонили и сказали, что, если я сбегаю еще раз, то мне придется выплатить штраф за разрыв контракта в несколько сотен тысяч евро...

Повисла пауза.

– Хм, теперь я вижу, – наконец-то проронил Франциск задумчиво, – И твой план был спрятаться от всего мира в этом монастыре, проведя здесь всю оставшуюся жизнь?

– Нет, – браня себя за откровенность, проронила в полутьму, – Я надеялась, что пока я здесь, я смогу придумать, как собрать нужные деньги.

– То есть, – он подытожил, окидывая взглядом, – Ты пришла в монастырь, святейшее место в этом мире, прося убежища и поклявшись встать на путь истинный? Обманом заставила себя взять в трудницы, обучаясь монашескому делу, и все это время даже не пыталась приблизиться к Богу? А совсем наоборот, использовала сестер в своих корыстных целях?

Я резко побледнела, осознавая всю угрозу происходящего.

– Нет, я... Я никого не хотела обманывать. Я лишь хочу вернуть свою жизнь обратно, – выступили слезы, – Это агентство... Я нашла множество историй начинающих моделей, которых также использовали. И было совершенно неважно, есть ли у них деньги на разрыв контракта или нет. Деньги не были единственным пунктом, обязывающих этих женщин подчиняться! И любые попытки судебных разбирательств всегда пресекались, у них есть свои связи! Прошу, не сдавайте меня Аббатисе, я не могу вернуться туда, я не выдержу, – и резко склонилась, готовясь к самому строгому наказанию.

– Но ведь это не все, верно? – он медленно приподнял меня за подбородок, заглядывая в мои каре-зеленые глаза.

– Я не понимаю, – прошептала я, испуганная физическим контактом.

– О твоих способах заработать. Я знаю, чем ты занималась, пока находилась здесь. Ты же понимаешь, что тебе за это может быть?

Я побледнела еще больше.

– Откуда? Откуда Вы можете об этом знать? Вы же Настоятель!

– Я знаю многое. И да, у каждого есть свои человеческие слабости, с которыми он до сих борется.

– И как долго вы смотрите?

Франциск приблизился еще ближе, я затаила дыхание.

– Скажем, я знаю тебя намного лучше, чем кто-то другой. И я видел то, что находится под этим подрясником.

Я тяжело сглотнула.

Да, мой отчаянный шаг. Я создала аккаунт на платформе “Для Фанатов”, где тайно по ночам снимала себя на видео. Но я никогда не показывала свое лицо, оголяя лишь части тела и играя с собой на камеру.

Мой образ монахини сразу стал собирать подписчиков и небольшие деньги все же стали скапливаться. Слишком долго, чтобы собрать их за пару лет. Однако суммы росли ежедневно.

– Но... но как вы узнали, что это я?

– Твое тату на ребрах. Такое же, как на фото.

Он все знал. Это понимание пугало меня теперь еще больше, чем главная причина моего здесь присутствия.

– И что теперь со мной будет? – испуганно прошептала я, готовясь к своей гибели.

– Ничего, – он вновь улыбнулся, – Мне нужна лишь твоя компания.

Я растерянно заморгала.

– То есть?

– Я хочу, чтобы ты составила мне компанию, пока я здесь. Подарить мне свое женское общение. Тем более, ты пока не давала никаких обетов.

– Но... Нам же не разрешено общаться с мужчинами! – возразила.

– Ах, не совсем. Ты пока что не монахиня, а общение, как таковое, не запрещено. Однако есть строгие правила, как это должно происходить.

– И как я это объясню Аббатисе?

– Я с ней уже поговорил, – он темно улыбнулся, – она сочтет это частью обучения.

– В чем подвох? – настороженно спросила я, не веря, что это может быть так просто.

– Его нет. У меня нет никаких корыстных мыслей на твой счет, Софи. Все таки, мы в доме Божьем.

– Но вы же смотрели те видео?

– Да, признаю. Но я никак не ожидал, что найду тебя в реальном монастыре. Все таки, в наше время постановки очень распространены.

– И если я соглашусь?

– Тогда никто никогда не узнает твоей тайны.

Я всматривалась в него в свете свечей. Он был красив. И нет, я так думала не потому, что у меня больше пары месяцев не было мужчины. А потому, что это так и было.

Его внешность была соблазнительной. Такой, из-за чего весь мир так любил итальянцев.
– Хорошо... Я согласна.

Глава 2. Франциск

Как оказалось, Франциск приехал на четыре дня. Я так и не узнала, что же за дела у него были к сестре Катарине, но, если честно, меня не особо это волновало.

Ночь прошла очень беспокойно. Казалось, что я была той же самой мышкой из лаборатории, которую уже изучали в надежде, что она раскроет им какую-то тайну.

Хотя, какая в природе может быть тайна у простой мыши?

Утро опять началось под резкий голос сестры Анны, которая повторно мне сообщила, что я проспала.

Несмотря на то, что я находилась в монастыре уже больше месяца, я никак не могла привыкнуть к подъему с рассветом.

День прошел так же, как и всегда: молитвы, завтрак, молитвы, труд, молитвы.

И вечер настал быстро. И каждый раз, когда я его видела, я ощущала его взгляд. Он прожигал мою спину и подрысник до кости.

Я находилась у входа в холл, ожидая его прихода. Уже было почти 7 вечера. В это время монахини отправлялись на покой, занимаясь своими личными вещами. И чуть позже объявлялся отбой, чтобы вставать в 5.30 утра.

Но не для меня.

Он подошел тихо, улыбнулся и поманил за собой. Затем повел к выходу из монастыря. Солнце уже начинало клониться к закату, украшая горизонт сочными красками.

Отойдя достаточно далеко, он вдруг помедлил, позволяя мне идти слева от него.

– Софи, расскажи о себе, – вдруг проронил, поглядывая на меня.

– А что вам интересно?

– Прошу, когда мы наедине, называй меня на ты.

– Ты... А что тебе интересно?

– Все. Где ты училась? Работала? Личная жизнь? – глаза блеснули, отражая заходящее солнце.

– Эм. Ну, я училась на Маркетолога в Милане. Какое-то время работала ассистентом в отделе рекламы, затем специалистом. После стала увлекаться фотографией, тогда и пришла идея стать моделью.

– Хорошо, – он сделал небольшую паузу, – Личная жизнь?

– Ну, тут немного сложнее... У меня есть несколько друзей, которые... – тут я вспомнила, что говорю с монахом и слова стали немного путаться, – Эм, в общем нет постоянного партнера.

– Понимаю. Как так вышло, что ты подписала тот контракт?

Уши покраснели от такой смены вопросов.

– Ну, я уже пару лет как занималась своими постановками. Переоборудовала свою квартиру под студию, делала креативные инсценировки, создавая себе образы. И мой Инстаграм стал довольно популярным. Друзья настаивали, чтобы я шла в бизнес, что у меня был на это талант.

– И?

– И я пошла. Это агентство как-то слишком быстро согласилось сотрудничать. На самом деле, только сейчас я понимаю, насколько быстро. – помедлила, – Они даже особо не изучили мое портфолио, а сразу предложили работу, как только я зашла.

– То есть, ты подписала контракт сразу же, как только увидела?

– Ну, в целом, да. Я пробежала его глазами, и все выглядело довольно стандартным. По контракту я должна была отработать год, участвуя во всем, что для меня организовывало руководство. Но, оказалось, что я была не единственной, кого на это поймали.

Повисло молчание, нарушаемое лишь едва слышимой трелью отдаленных птиц.
Мы шли вдоль дороги к выходу, свернув к лесу.

– А что о вас?... О тебе?

– А что обо мне? – он мягко мне улыбнулся.

– Как ты стал монахом?

– Я стараюсь не распространяться об этом, – стиснул зубы.

Ну нет.

– Ты забываешь, что я знаю, что ты смотрел мои видео, – совсем забывая о своей роли, бросила ему.

Его глаза интересно блеснули в мою сторону, рот искривился в усмешке.

– Шантаж? Как необычно для монахини.

– Мы оба знаем, что я еще не монахиня.

– Верно, все время забываю, – окинул меня взглядом, – Я примкнул к церкви около десяти лет назад. Может даже чуть больше. Я вел достаточно... Опасную жизнь. Как для меня, так и для окружающих. И однажды из-за меня кое-кто пострадал.

– Ты кого-то убил? – спросила я, практически забывая дышать от волнения.

– Не совсем. Но это случилось из-за меня. После этого я испугался. Сильно испугался.

Это и заставило меня прийти в монастырь.

– Как же сильно это должно было тебя напугать, чтобы ты решился на такое... – подумала вслух.

И зря.

– Мне кажется, что ты до сих забываешь, что ты сама обучаешься монахини.

– Да, простите, – сыграли новые привычки.

– Что ты, это мне даже льстит, если честно. Приятно пообщаться с той, которая не ограничивает себя этими рамками. Этому этикету, который, на мой взгляд, немного строг. А живет, чувствует, участвует.

Я хмыкнула.

– Звучит так, что ты сожалеешь о своем выборе.

– Нисколько. Несмотря на то, что я монах, я веду довольно открытую жизнь. Я сделал многое, чтобы помочь нашему обществу, путешествуя по стране. Восстановил то, что разрушил. Однако, не все вещи уже могут вернуть былой вид.

– Да, я понимаю, – тихо проронила.

Было так приятно, вот так просто общаться с кем-то.

Забыв о рамках, забыв о молитвах, труде. Вспоминая свою прошлую жизнь, ее краски.

И тут же осознавая, как я по ней тоскую.

Франциск замедлил шаг, заметив перемены в моем поведении.

– А ты жалеешь? – тихо спросил.

– Я?.. Я не знаю. Точнее, я жалею, что я была такой наивной, подписав не контракт, а свой приговор. У них есть все: мои данные, счета, адреса, контакты. И только осознав, чего я избежала, я по-настоящему испугалась.

– Но ведь это до сих не делает тебя верующей? – проронил Франциск, разворачиваясь в сторону монастыря.

– Нет... – тихо сказала, слегка отворачиваясь к горизонту.

А закат и впрямь был прекрасен.

Следующий день начался с сестры Анны. Вставать хотелось еще меньше, ведь я легла совсем поздно. В предыдущий вечер я не подключалась к своему аккаунту, решив отложить.

Франциск оказался безумно интересным собеседником. В какие-то моменты, я совсем забывала, что передо мной был монах, но потом реальность накрывала меня. И все время не давала покоя мысль, что когда-то он видел мое обнаженное тело.

Я узнала о его нынешней жизни, его роли, как монаха и Настоятеля. За небольшое время сервиса он сумел получить высокий статус и уважение церковной общины по всей Италии.

Сегодня был уже третий день его пребывания в монастыре. Остальные монахини обходили его стороной, стараясь как можно меньше обращать на него внимания. Это было очень заметно.

Но не я. Я в открытую следила за ним заинтересованным взглядом при каждом его появлении. И каждый раз сталкивалась с его горящим взором.

– Глаза, сестра Мигель! Мы в присутствии мужчины и Настоятеля, – запрочитала старшая сестра, напоминая про правила.

Я поспешно опустила голову, но исподлобья взглянула на него еще раз, поймав лишь усмехающийся взгляд.

Роль брата Франциска и сам он не сходились. На публике он был совершенно иным человеком. Возвышенным, учтивым, вежливым. И каким-то холодным.

Вчера же он был таким... эмоциональным, саркастичным, добрым... Таким живым. Словно я встретила того мужчину из прошлого.

7 часов настали быстро, что обозначило нашу с ним встречу у Клуатра на том же месте, что и вчера.

И я ждала этой встречи весь день. Человека, с кем я могу быть собой. С кем я могу снова говорить. Жить.

– Привет, – проронила я, улыбнувшись его приходу.

– И тебе, – тепло улыбнулся в ответ.

Было ощущение, что с его приезда прошло намного больше времени, чем пара дней. И что после нашей прогулки под звездами я знала его, как никто другой.

Мы в тишине отправились в сторону леса, к небольшому озеру.

Вдруг я усмехнулась.

– Что-то смешное?

– Нет, просто... Очень забавно видеть, как ты иначе ведёшь себя.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, днем ты Настоятель, такой святой и требовательный, а вечером... – запнулась.

Почувствовала такой же крепкий заинтересованный взгляд.

– Вечером ты словно из обычного мира. Из моего мира.

– Хм, – улыбнулся он, поправляя рясу, – Знаешь... Я никому бы это раньше не сказал, да и не смог бвн сказать. Но... я и вправду чувствую себя собой. У меня не было такого чувства уже очень давно.

Хмыкнула, польщенная.

– И видимо обнаженные девушки на сайте создают какие-то иные чувства, – в общении с ним было настолько комфортно, что я уже позволяла себе такие комментарии.

– Видимо тебя это задело, – засмеялся, – Хотя бы так я не забываю, как выглядит женское тело. Поверь, жизнь монаха очень одинока. И так я могу чувствовать то, что когда-то ощущал.

– Если честно, то... Мне абсолютно не понятно, как вы можете это выдержать. Я имею в виду, давая обет целомудрия.

– Мне тоже, – он грустно улыбнулся.

Мы остановились почти вплотную у озера, в то время, как закат вновь успел раскрасить небо.

– Как ты держишься? – повернулась я к нему, заглядывая в глаза.

Его дыхание становилось тяжелее.

– Я должен. Но это невыносимо...

Он вдруг замолчал и словно подумал вслух.

– Особенно рядом с тобой.

Я сглотнула. По спине пробежал холодок.

– Эм... Почему?

– Ты заставляешь меня почувствовать себя... живым.

– Но разве ты не живешь, пока ты монах?

Усмехнулся.

– Живу. Но очень сложно не думать о прошлом после того, что я видел. И я явно не ожидал встретить ту девушку с сайта здесь.

– Я бы даже не подумала, что смогу услышать что-то подобное от монаха, – прошептала, делая к нему легкий шаг, как в тумане.

– Я тоже, – пауза, в которой его глаза затуманивались, – Софи...

В его глазах шла многолетняя борьба. Борьба его статуса и проснувшегося мужчины из прошлого. Но мой взгляд заставлял его сдаваться.

– Я не могу себя сдерживать. Пожалуйста помоги мне сделать это.

Если бы на моем месте была бы настоящая монахиня, то так бы оно и было. Но его взгляд, опьяненный моим присутствием, вконец меня сломал.

– Не могу, – прошептала я.

И притянулась к нему, прикасаясь к губам. Таким нежным губам.

Франциск принял поцелуй, впитывая его, но через мгновение уже испуганно отстранялась.

– Франциск, я... – попыталась как-то оправдаться заплетающимся языком.

– Меня зовут Ник, – прошептал он переключившимся взглядом, перестав быть тем, кого я видела сегодня утром.

Он резко притянул меня обеими руками, впиваясь в мои губы. Его аромат напоминал мне сосновые иголки, остро колющие лицо. Ту страсть, которую я чувствовала, я никогда не ощущала в мужчине до этого момента.

Моя свободная рука стянула полуапостольник, дав рассыпаться каштановым волосам по спине до талии.

Ник все еще держал меня одной рукой за талию, а вторая уже запуталась в моих кудрях. Его губы вновь изучали запретный плод, который он так любил когда-то вкушать.

– Ты такая красивая, Софи... Я так хочу... – его слова пропали в моих губах, явно требуя больше.

Требуя меня всю.

И уже через секунду он отстранился, отходя на безопасное расстояние.

В его глазах промелькнула паника, сразу же сменившийся холодностью.

Той, что была свойственна брату Франциску.

Он тяжело выдохнул, всматриваясь в то, что натворил, и грубо кинул, пытаясь отдышаться.

– Сестра Мигель, приведите себя в подобающий вид. И пройдите в свою комнату, отбой уже прозвучал. Я больше не буду нуждаться в вашей компании.

И тут же резко устремился прочь, оставляя меня темноте.

Глава 3. Борьба

Прошло 57 дней.

Ночи заметно стали длиннее, а листья опали, согревая собой землю. Ноябрь начался тоскливо, серо. Единственное, что хоть как-то отвлекало, так это монастырские хлопоты.

Ник исчез. Последний раз я видела его еще тогда, в темнеющем лесу, шагающим прочь. Утром его уже не было. Сестра Анна ответила, что ему срочно понадобилось отправиться на юг Италии по политическим делам.

И, если до этого я чувствовала себя здесь лишней, то его отсутствие только обострило это.

Мое единственное напоминание, что я еще жива. Что я – это до сих пор я, а не кто-то, спрятанный под этими одеяниями. Кто-то, кто неосознанно взял на себя пожизненную ношу служения Богу.

Но это не было моей судьбой. Я искренне пыталась себя убедить, что меня ждет что-то другое. Что я смогу накопить денег за разрыв контракта и освободиться.

Однако, совсем недавно меня посетила страшная мысль. Что если, пока я прячусь здесь, агентство сможет приписать дополнительную сумму за простой их активов, то есть меня, который должен был приносить в это время их прибыль? И эта сумма могла вырасти в десятки раз!

57 дней, как я слежу за пополнением своего счета на сайте.

Пока что я принимала лишь адекватные запросы зрителей, наблюдавших за мной. Обычно они просили раздеться, эротично двигаться, ласкать свое тело. Но мне не хотелось принимать такие, как например покрыть свою кожу какой-то субстанцией, использовать неестественные предметы, делать себе больно. На самом деле, иногда запрашивали довольно странные вещи.

Пока что на счету было всего несколько тысяч. А это было ничтожно мало. Руки опускались, поэтому уже более недели я не была онлайн.

57 дней, как я думала о нем. И понимание, что я никогда не смогу быть с мужчиной, пока я здесь, пугало меня еще больше, чем само модельное агентство.

Мои дни становились все мрачнее, и каждая общая молитва стучала по моему отчаянию, словно молоток судьи.

Однако время делало свое дело.

Несколько монахинь все же со мной заговорили. И я была удивлена, что я думала о них как-то стереотипно. Что все они фанатики, не видящие ничего, кроме своей веры.

А ведь каждая имела свою историю, почему она оказались там, где мы все были. И каждая старалась исправить свою жизнь, пойдя на самые крайние, по моему мнению, меры.

Мне начало казаться, что эта рутина начала меня поглощать. Все больше. И больше. И чем дальше, тем больше эти стены принимали мою депрессию. Мою боль.

До этого утра.

– Сестра Мэри, у нас все готово для зимы? – услышала я строгий голос где-то вдали.

– Да, сестра Катарина. Я все перепроверила.

– Славно.

Я посмотрела на замутненный взгляд Мэри, начиная беспокоиться.

– Сестра Мэри, с тобой все в порядке? – озвучила я свои опасения.

– А? Да... неважно себя чувствую.

– Мы помолимся за твое здоровье, сестра, – проронила участливо Клавдия.

Эти две женщины были старше меня лет на десять – пятнадцать. Но именно они были первыми, которые приняли меня в круг.

– Может все таки сходишь в лазарет? Видно же, что ты еле стоишь на ногах, – пыталась я ее вразумить.

– Не стоит волноваться, прошу. Если такова Его воля, то мне станет лучше.

Я тихо хмыкнула. Иногда очевидные вещи отвергались, как что-то противоестественное. Это были нечастые случаи, которые искренне меня бесили в монахинях.

– Время ужина, – услышала я высокий голос со стороны трапезной.

И тяжело выдохнула, машинально разворачиваясь в нужную сторону.

Опять фасоль. Это была самая популярная здесь еда, иногда сочетающаяся с другими овощами, молочными продуктами и яйцами.

Вилка лениво скребла дно тарелки, пока припозднившиеся сестры присаживались на свои места.

Я подняла глаза, ожидая увидеть луну из верхнего противоположного окна.

И увидела его.

Настоятеля Франциска.

Ника.

Вилка громко упала, зазвенев на весь зал. Часть монахинь косо взглянули на меня, продолжая свой ужин в молчании.

А я... Я видела его мрачное лицо. Его взгляд, который так отчаянно искал со мной связи. Все тело горело, по вискам стал стекать пот. По спине побежали мелкие мурашки.

Долгих десять минут я не могла поднять столовый прибор. Аппетит пропал, воздуха не хватало.

А он вновь гипнотизировал меня, также, как и я, не притрагиваясь к еде.

Хотелось вновь услышать его голос...

Когда зал опустел, я вышла, направляясь к выходу. На то же место, где мы когда-то встречались. В это время мало кто выходил наружу, погода была слишком пакостной.

Но мне нужно было остудить свой пыл. Затупить его.

– Ты промокнешь, – услышала я сбоку его голос, также вышедший под дождь.

– Зачем ты вернулся? – с порогу бросила я, с ненавистью вглядываясь в его лицо.

– У меня дела к Аббатисе, – сухо отвечал, позволяя мою дерзость.

– Почему ты бросил меня ТАМ? – отчаянно вглядывалась в его глаза.

– Софи... Я не мог.

– Точно ли у тебя дела к Аббатисе, или ты просто хочешь посмотреть, как я страдаю?

Его взгляд потемнел, свободная рука затащила меня внутрь, прижимая к стене. Его ладони оперлись о стену в миллиметрах от моих плеч, пытаясь держать физическую дистанцию.

– Софи, ты даже не представляешь, как мне было сложно эти полтора месяца! – прорычал, – За все одиннадцать лет это – самая страшная мука, которую я мог только испытать!

Злость и притяжение к нему слепили меня. Его лицо было так близко, что я вновь почувствовала запах сосен.

– Ты заставил меня вспомнить, какого это было, когда я жила там. ТЫ настоял на этих встречах, не я! И после этого ты исчез!

– Я... я не хотел. Все должно было быть иначе, – я увидела в его взгляде его настоящего.

– КАК иначе?

– Я не знаю... Ты уже больше недели не появлялась на сайте и... мне не хватало тебя.

Щеки загорелись, осознавая, что он и не останавливался.

– Ты продолжал смотреть? – прошептала я, то ли в шоке, то ли в бешенстве.

– Я... Софи... Я не мог тебя не видеть.

– Нахрена только ты приехал?! Зачем вообще появился в моей жизни? – почти прокричала в отчаянии, вырываясь. Шквал эмоций стерли абсолютно все рамки моего приличного поведения.

В ответ лишь молчание.

Он бросил меня, ссылаясь на свое положение и святость. Но в то же время он продолжал подключаться, противореча себе.

И сейчас я в нем видела Ника. Отчаянного, потерянного, испуганного. Такого же, как и я. Я глубоко вздохнула, уже успокаиваясь.

– Брат Франциск, вы оказали мне большую честь своим присутствием. А сейчас мне нужно на покой, завтра много дел, – натянула я маску. Моя очередь оставить его в темной глуши монастыря.

Я боялась идти на завтрак. Сестра Анна изрядно удивилась, застав меня в бодрствовании еще до того, как она зашла в мою комнату.

Он все еще был здесь. Я ощущала его желание заговорить со мной, но не могла вновь его подпустить. Что бы между нами ни случилось, он был ответственен перед своими клятвами. А меня волновало лишь то, что он в любой момент мог меня вновь оттолкнуть.

На общей молитве он уступил свое место сестре Катарине, предпочитая это утро остаться в молчании.

Франциск выглядел неважно, под глазами были темные круги, белки покрасневшими, а волосы – неопрятными.

Он занял место рядом со мной с невозмутимым видом. Явно стараясь показать, что оно было выбрано случайно.

И я слышала его тяжелое дыхание, ощущала его тепло. Но я старалась вести себя по уставу, не поднимая не него взгляда.

Подавая примерное поведение.

Звуки вокруг меня смешивались, и я слышала лишь то, как сильно билось мое сердце.

Тук-тук. Тук-тук.

Ритм отдавал в уши, перед глазами появились темные мушки. Я не могла находиться с ним так близко. Вот так вот.

И выбежала из церквушки, спотыкаясь о выступающие камни.

Прочь от него.

Глава 4. И Падение

– Что вы знаете о Настоятеле? – спросила я женщин.

Сегодня был пятый день нашей очереди на кухне. И мне посчастливилось оказаться там вместе с сестрой Клавдией и Мэри.

– Отчего же тебе интересно? – удивилась Мэри.

– Я... Он уже несколько раз останавливался в нашем монастыре. А я знаю, что мужчины не имеют права оставаться на ночь. Видимо, он чем-то отличается...

– Да, лишь Настоятели могут оставаться там, где они пожелают. Однако, он самый примерный из братьев, которых я встречала. Поэтому, тебе нечего его бояться, – вдруг ответила Клавдия.

На что я про себя хмыкнула.

– Я не боюсь... Просто все еще изучаю. Столько правил, исключений, тонкостей.

– Это все конечно важно, но все мы здесь с одной общей целью. По мне это самое главное – улыбнулась Мэри, перемешивая фасоль.

– Что, он тебе понравился? – вдруг прошептала рядом стоящая Клавдия.

Так тихо, чтобы другая монахиня не услышала.

Я замотала головой, слишком явно пытаюсь доказать обратное.

– Не волнуйся Мигель, не ты одна через это проходила.

– Правда? – слишком громко ответила, шокировано раскрыв рот.

Та лихорадочно заозиралась, испугавшись лишних ушей. Но все же ответила.

– Быть монахиней – тяжкая, но святая ноша. И все мы рано или поздно должны противостоят соблазну.

– Это так, – ответила Мэри, явно догадавшись, о чем мы, – поэтому не прячь себя в этом противостоянии. Откройся Богу, и он даст тебе силы справиться.

Я еле-заметно закатила глаза. Хоть я практически привыкла к тому, что божественная тема всплывала практически везде, но иногда это было слишком неожиданно.

Уже прошло почти 2 недели, как он уехал.

Веяло холодом, который неуклонно клонил природу в спячку.

И до сих пор у меня было от силы десять тысяч. Такая малость.

До сих пор никто не знал, где я находилась. Я пропала со всех радаров, решив, что именно так агентство никогда меня не найдет.

Однако, я даже не предполагала, что я смогу сказать своей семье о таком долгом отсутствии. Пару недель я бы еще как-то смогла объяснить. Но месяцы? Года?

От этих мыслей становилось дурно, и пищевод заворачивался в тугий узел.

Совсем не хотелось думать ни о чем другом, кроме... Нет, ни о чем.

Эта ритмичность послушнической жизни вгоняла меня в транс. В транс, где день изо дня был цикличен. Та же пища. Те же лица. Монастырь. Лес.

Как долго я готова прятаться? Когда эта жизнь настолько мне опротивит, что агентство покажется избавлением?

Что будет, если чаша весов склонит монахиню к прошлому, заставит отказаться от своей нынешней роли? Что, если это бытие день ото дня становится более невыносимым? И делая старую жизнь и ее сложности все более манящими?

Что есть боль, а что есть наслаждение?

На вечернюю молитву я шла уже с закрытыми глазами. О чем бы я не думала, рефлексy сами вели меня в нужную сторону. Повторяя замкнутый круг.

Было уже темно, приближался самый темный месяц в году. И как хотелось бы увидеть снег...

– Я рада видеть с нами сегодня Настоятеля Франциска, который так любезно согласился прочитать нам его любимый псалом. Настоятель, прошу.

Аббатиса заняла свое место, открыв мне взор нашему гостю.

Боги, да за что он со мной так? Зачем он продолжает приезжать, сводя мои инстинкты с ума?

Никакие доводы о рациональных причинах не имели для меня смысла. Я была уверена, что он хотел надо мной поиздеваться. А может, так он тестировал свою веру, выбрав, как он сказал, самую для него тяжелую муку?

Франциск прочистил горло и невидящим взглядом стал зачитывать. Таким неестественным, даже искусственным голосом, который он обрел за десяток лет.

Шли минуты. И чем дольше пылали мои щеки, тем больше я убеждалась, что он меня не замечает.

Когда его место сменила старшая монахиня, дав ему возможность отойти, даже тогда его глаза смотрели в противоположную сторону.

Обидно. Безумно обидно.

Может быть, у него действительно какие-то церковные дела к нашей Аббатисе? Она явно была рада его сегодня видеть.

Боль и отчаяние заполняли меня, давая противоположный эффект коллективной молитве.

Я заставила себя отстоять службу, выдерживая его присутствие.

И чем дольше я должна была видеть его, тем больше я панически щелкала пальцами и покачивалась взад-вперед.

Нервы сдавали.

Последние слова прозвучали, дав возможность удалиться. И Франциск прошел мимо, так просто не замечая мое присутствие. Уходя прочь с безжизненным лицом.

Я была так близко, чтобы сбежать.

Уехать, лишь бы не видеть его. Не чувствовать.

Дверь позади захлопнулась, оставляя меня наедине со своим бешеным пульсом. Дышать, главное дышать.

Меня трясло. Крупно трясло.

Не знаю, сколько я так простояла, облокотившись к двери. В чувство меня привела идеальная тишина, режущая слух, означавшая лишь, что монахини уже разошлись по своим комнатам.

Я подошла к своему шкафчику, пытаюсь найти последнюю сигарету, спрятанную на такой крайний случай.

Схватив зажигалку, я тихо вышла, направившись к самому удаленному выходу. Месту, где дым никого не потревожит и не создаст мне проблем.

Было довольно прохладно, но сухо.

Закутавшись в плащ, выданный мне так недавно, я привычным движением зажгла сигарету, быстро, но желанно втягивая ее дым.

Ох, какая сласть.

Бросить курить пришлось сразу же, как я приехала. Сигареты были здесь запрещены, а пополнение запасов становилось невозможным.

И эта была последней, припрятанная на самый крайний случай.

Машинально затягиваясь, я постаралась не выкурить все за один раз. Все таки я хотела заполнить этот момент, этот дым в моем горле. Каждый момент, каждую секунду. Голова

непроизвольно откинулась назад, выпуская его в холодный ноябрьский воздух. И протяжно выдохнула, наблюдая за тем, как дым растворяется в ноябрьском воздухе.

Чтобы вспоминать его все последующие года.

– Поделишься? – подпрыгнула я от неожиданного голоса в темноте, подходящего с внешней стороны монастыря.

Тяжело выдохнув, я молча протянула ему сигарету. Мой шок был тихий, наблюдательный. И не верящий в то, что сейчас происходило.

Франциск принял ее, аккуратно делая затяжку и тут же закашлявшись.

Я нервно усмехнулась.

– Когда была твоя последняя сигарета? – негромко спросила.

– В день, когда я стал монахом. Тогда я понял, что назад уже пути нет, – затянулся он еще раз, уже более уверенно.

Через секунду он протянул мне сигарету обратно.

Молчание длилось где-то с минуту. Выдохнув, я спросила.

– Опять скажешь, что у тебя дела к Аббатисе? – затянулась я в последний раз, тут же затушив сигарету ногой.

– Нет.

– А что тогда? К какой-то другой сестре? Гертруде? – продолжала я пустым голосом, смотря куда-то за горизонт.

– Нет. К тебе.

Я удивленно повернула голову, наблюдая за его реакцией.

– Зачем?

– Затем, что я решил.

– Что решил?

Несмотря на холод, спину обожгло огнем.

– Многое... У тебя осталась еще та одежда, в которой ты сюда пришла в первый день?

– Да... – протянула я, не уверенная в его мотивах.

– Переоденься. Хочу тебе кое-что показать. Жду тебя здесь через пять минут, – и он отправился вглубь монастыря, сворачивая к гостевой комнате.

Я вновь осталась одна, шокированная таким поворотом.

Но уже уверенная, что это было лишь начало.

Глава 5. Ник

Мне не нужно было долго собираться, чтобы быстро оказаться на выходе. Проблема была в том, что на мне была лишь легкая одежда, привезенная со мной в конце лета.

Как итог, светлые рваные джинсы и тонкий пуловер, оголяющий часть груди.

Полуапостольник также остался в комнате, наконец-то позволяя почувствовать развевающиеся в воздухе волосы.

Завернувшись в плащ, чтобы хоть как-то сохранить тепло, тихо прошагала к выходу.

И встретила с совершенно незнакомым мне мужчиной.

На нем была кожаная куртка, надетая поверх джемпера с высоким горлом. Такие же простые темные джинсы в тон остальной одежде. Легкая щетина так красиво сочеталась с тоном его волос, когда-то уложенных назад, но уже довольно растрепанных.

Глаза округлились и я пораженно раскрыла рот, шокированная такими переменами.

– Выглядишь, словно призрак увидела, – весело засмеялся он, также в упор разглядывая меня.

– Мне кажется, я наконец-то официально познакомилась с Ником, – слабо улыбнулась я, в шутку протягивая ему руку, – Меня зовут Софи.

Он в ответ протянул руку, беря меня за тонкие пальцы и прикасаясь к ним поцелуем.

– Очень польщен, Софи. Не откажешься ли ты провести со мной вечер в городе?

Все еще округляя глаза, я тихо проронила.

– А как же?... Разве я могу покинуть монастырь?

– Пока что ты не монахиня. И поэтому не все правила на тебя еще распространяются.

– Ты забыл сказать, и слава Богу.

Он строго взглянул на меня, не комментируя. Его рука потянула мои пальцы за собой, уводя в темноту.

И тут же отпуская.

Выход находился в пяти минутах ходьбы, благо, что мы вышли не с дальней части монастыря. Потому что мое тело уже успело промерзнуть, пронизанное ноябрьским холодом. Стук моих зубов явно выдавал меня.

– Уже почти пришли, осталось лишь дойти до парковки, – бросил он быстро, замечая лезгинку моей челюсти.

– Угу, – только и бросила я, отстукивая. Лишь бы дожить до этой парковки.

Мы остановились перед довольно новым Рендж Ровером, который мигнул нам фарами.

– Ого, – снова выдала я простой звук, когда он открыл передо мной пассажирскую дверь.

– Вдруг ты забыла, как открываются машины, – усмехнулся.

Его новый образ шел ему намного больше. Хотя, скорее уж его старый образ.

Пристегнувшись и обняв себя руками, дрожа, я наблюдала, как Ник скинул куртку на заднее сиденье. Сев за руль, он закатал рукава, оголяя плотные татуировки на обеих руках.

– Ого! – воскликнула я в очередной раз.

– Ты теперь всегда там будешь реагировать? – хитро посмотрел, – Разве несколько месяцев в монастыре так на тебя повлияли?

– Эм... – протянула я глуповато, сглатывая слюну, – Тебе так очень идет.

– Нравится? – довольно ухмыльнулся, разворачивая машину.

– Да. Ты и сам мог бы быть моделью, – снова усмехнулся на это, – Правда! А татуировки! Никогда бы не подумала! Откуда они?

Ник выглядел очень самодовольным. Моя реакция словно вселяла в него уверенность, давая понять, что он все делает правильно. Как мне казалось.

– Набил. Когда еще не планировал идти в монахи.

- Да, было бы странно, если наоборот.
- Именно, – улыбнулся, кинув на меня быстрый взгляд, – Ты настолько промерзла? Мы можем остановиться в центре, взять тебе куртку.
- Я чуть на задохнулась от истерического смеха.
- Что я не так сказал? – непонимающе, но игриво зыркнул.
- Ничего, просто я до сих пор не могу привыкнуть к твоему виду. Это странно.
- Да, ты тоже выглядишь очень непривычно без монастырской одежды. Но мне так больше нравится, – закашлялся на последних словах.
- Вот как, – на лице проступила улыбка чеширского кота, – Ты так и не сказал, куда мы едем.
- И не скажу. Но по дороге захватим тебе куртку.

Город находился примерно в получасе езды. Мой взгляд парализовало на его внешности. Эти крепкие руки, умело управляющие Веларом. Прищуренный взгляд, который так цепко вглядывающийся в вечернюю тьму. Свет салона, слабо освещающий его татуировки. Получалось разглядеть лишь очертания какого-то зверя.

Казалось, что мы едем в другую жизнь. Туда, где мы могли бы забыть о том, кто мы есть на самом деле. Начать все заново.

Его волосы до сих пор топорщились в разные стороны, и я, все еще загипнотизированная, протянула руку в их направлении. Плащ спал, когда я быстро прикоснулась, поправляя прическу. На что Ник заинтересованно взглянул на меня, отмечая открывшуюся ему фигуру. Его глаза светились от такого быстрого физического контакта, на лице появилась улыбка.

– Что-то ты чересчур довольный, – хитро прищурилась, когда его вид стал слишком подзрительным.

– Есть из-за чего, – поставил вторую руку на руль, делая поворот, – Я никогда этого не делал.

– Чего не делал? Уезжал?

– Нет, езжу то я как раз таки много. Но не проводил вечер так, как сейчас. Особенно в компании такой прекрасной девушки.

– Боишься привыкнуть?

– Боюсь уже привык, – нервно засмеялся.

Впереди показались огни города.

В груди резко застучало. Отчего-то возникла знакомая паника при виде очертаний города.

– Что это за город? – тихо проронила.

– Небольшой, наверное всего около 40 тысяч жителей. Здесь мало что есть, если сравнивать с Миланом.

Я понимающе хмыкнула.

– Часто ты здесь бываешь?

– Не особо. Обычно проезжаю его мимо по дороге к вам.

Однако он довольно хорошо ориентировался для незнакомца.

Прилавки пестрили, и мы остановились на парковке одного торгового центра. Быстро выскочив, я практически побежала ко входу, пытаясь на контактировать с холодным воздухом.

И была ослеплена ярким светом витрин. Поморгав пару секунд, стянула плащ, наслаждаясь резким перепадом температур. И счастливо засмеялась, чувствуя себя живой.

Наконец-то живой.

– Всего-то пара месяцев, а какой эффект, – засмеялся мой водитель за спиной, подходя.

Он не стал одевать куртку, оставаясь с задернутыми рукавами. Взгляд был нежный, горячий, блаженный. Так и хотелось в нем раствориться.

Думаю, можно было еще поспорить, кто сейчас ощущал себя более живым.

– Показалось, что года. – негромко ответила, разворачиваясь к магазинам, – Ну что, куда теперь?

– Налево, – быстро бросил, медленно направляясь к закоулкам центра.

– Ник, я... – вдруг осознавая, – У меня нет денег.

– Ох, уверен, с этих просмотров у тебя уже есть приличная сумма, – усмехнулся, засра-
нец.

– Ты же знаешь, что я не могу их обналечить.

– Да, знаю. Не волнуйся о покупках. Можешь считать, что это моя плата за твою компа-
нию.

– Но я верну!

– Думаю, лет так через десять, – грустно усмехнулся, заходя в магазин.

Мы вышли с тепла, держа в руках медовые палочки, приготовленные во фритюре. Пальцы обжигало, но я готова была заплакать от счастья, наконец-то вкушая мою любимую выпечку.

Мы подобрали мне черную кожаную косуху, утепленные штаны и шерстяной шарф, на котором уже настояла я.

Улица уже казалась другой. Более приветливой, что ли. Пальцы утопали в жире палочек, на что мой желудок лишь довольно урчал.

– Куда теперь? – спросила я с набитым ртом.

– Здесь недалеко.

Мне было абсолютно неважно, куда он меня вел. Хоть на казнь.

Издали послышалась гитара, которая, как по моим нотам души, сладко забренчала. И чем дальше мы шли, тем громче она становилась. Пока мы не вышли на полу-площадь, наполненную живыми людьми. Да, именно такими.

Людьми, наслаждающиеся собой. Вечером. Жизнью.

В грудь больно защемило, увидев толпу в центре, танцующую под притягательный ритм инструмента.

– Идем? – вдруг спросил Ник, озорно поглядывая на толпу.

– Куда идем? – не поняла, отряхивая руки после десерта.

– Туда, – махнул головой в танцующую толпу.

– Ты танцуешь? Да ладно? – почти закричала я, не веря.

Ник лишь залился смехом, беря меня под руку.

– Какая же ты смешная.

Мы прошли ближе к центру, где концентрировалась музыка, оставляя на ближайшей лавочке свой шарф.

Он легко развернул меня к себе, кладя левую руку мне на лопатки. Вторая взяла меня за свободную руку, словно замирая в стойке.

– Ты сильно расстроишься, если я скажу, что плохо танцую? – вдруг выпалила, когда оставались лишь секунды до новой песни.

– Я помогу, следи, как я ступаю – улыбнулся.

И вновь заструилась гитара, оживляя гостей. Он выставил правую ногу вперед, медленно, позволяя мне убрать свою. Затем убрал ее, помогая мне двигаться. И через пару ритмов проделал то же самое с другой ногой.

Простой ритм, помогающий мне освоиться. И с каждым шагом я становилась увереннее, находя наше общее движение. И они становились сложнее.

Мужчина красиво двигал бедрами, заставляя двигаться моими. Через секунду он отпустил меня, правой рукой разворачивая меня в полный оборот.

И тут же хватая второй рукой, продолжая этот ускоряющийся ритм.

– А ты молодец, отлично держишься ритм, – вдруг выдал он, сбивая меня.

– Ну... До этого момента, – неуклюже посмотрела я на свои ноги, жалея, что так легко дала себя отвлечь.

– Не страшно, начинай с левой.

– С твоей или моей левой?

И этот ритм продолжился, унося меня в другую реальность. Сказку, где существовала лишь гитара, яркие уличные огни и смеющиеся люди.

Я ощущала себя пластилином, который так хотел, чтобы его лепили. Его тепло согревало, глаза горячо мелькали, а движения делали нас идеальной танцующей парой.

Люди вокруг дали нам немного пространства для всех поворотов, активных движений и наклонов. Музыка нам вторила, ускоряя ритм. Стучали инструменты, струны сходили с ума, а вокруг лишь усиливался гул танца.

Пока она не замерла с Ником, наклонившим меня практически до земли, до боли выгнув мою спину.

Его лицо было так близко. Запыхавшееся, страстное, разгоряченное. Я стала задыхаться, пока он не выпрямился, поднимая меня.

– Спасибо вам, вы были потрясающей публикой! – услышала я голос со сцены, явно обозначив, что вечер для них на сегодня закончен.

– Это и было то, что ты хотел мне показать? – произнесла я, все еще находясь в миллиметрах от его тела.

– Нет, это было по пути, – улыбнулся, вытягивая меня из толпы.

Я захватила шарф, интригуяюще шагая за ним. Зря я его купила, становилось уже жарко. А вечер обещал быть еще более жарким.

Глава 6. Обретая вкус

– Чего еще я о тебе не знаю? – довольно произнесла, все еще раззадоренная танцами. Не каждый мужчина мог похвастаться такими навыками.

– Не знаю. Мне кажется, ты и так знаешь больше, чем кто-либо.

– Ладно. Секреты значит?

Хитрая улыбка осветила его лицо, явно уходя от ответа.

– Ну хотя бы скажешь, где ты научился так танцевать? – требовала я.

– Долгая история.

– Хотя бы какой стиль? – не унималась я.

– Ты сегодня хочешь получить все ответы, как я вижу, – вновь засмеялся, обходя дерево.

– Я не отстану.

– Хорошо-хорошо, – поглядывал он, – Я с детства танцую. В основном бачату, танго.

– А потом?

– А сейчас Настоятеля не особо поймут, если он вдруг начнет отсчитывать шаги на 1-2-3-4.

Я представила и залилась смехом. Да, действительно потешное зрелище. Его танцевальные па во время чтения псалмов.

– Хочешь сказать, что ты уже не танцевал десять лет?

Улицы пустели, что означало, что мы приближались к краю городской черты.

– Выходит, что да.

– Никогда бы не сказала... Видимо талант не пропьешь, – он строго взглянул, на что я поспешила поправиться, – И как тебе? Вновь танцевать?

Ник замедлил шаг, погружаясь в свои мрачные мысли.

– Хорошо... Слишком хорошо, на самом деле. Никогда бы не подумал, что я буду так по этому скучать, – тихо проронил он.

Впереди замаячил киоск, притягивая мое внимание. Да, есть еще одна вещь, по которой я скучаю.

– Ты в этом не один. Не против, если мы быстро зайдем? – перевела тему, разворачиваясь к этому киоску, – А то я буду потом жалеть, если не сделаю сегодня.

Он кивнул, понимая.

И уже через минуту мои руки сжимали любимую пачку Кента, распаковывая ее.

Я решила отойти подальше, где будет поменьше людей.

А мы продолжали все дальше уходить от города. Дорога теперь была освещена слабыми уличными лампами, уводящие куда-то в ночной лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.